

УДК 821.512.164

«ПРОЩАЙ, НАУКИ ДОМ, ПРЕКРАСНЫЙ ШИРГАЗЫ!»:

ЛИНГВОПОЭТИКА РАССТАВАНИЯ В ЛИРИКЕ

МАХТУМКУЛИ ФРАГИ

Сабилов М.

В статье предпринимается комплексный анализ стихотворения Махтумкули Фраги «Gözel Şirgazy» (Прекрасный Ширгазы) в аспекте поэтики прощания и мотива разлуки. Актуальность исследования продиктована недостаточной изученностью автобиографической лирики туркменского поэта с точки зрения её художественной структуры. Научная новизна работы заключается в системном рассмотрении рефрена как композиционной доминанты, определяющей эмоциональную траекторию стихотворения, а также в выявлении двойственной природы мотива разлуки – пространственной (расставание с медресе) и экзистенциальной (утрата отца). Методологическая основа исследования объединяет историко-литературный, биографический и лингвопоэтический подходы. В результате анализа установлено, что поэтика прощания в стихотворении «Gözel Şirgazy» строится на трёх взаимосвязанных уровнях: композиционном (кольцевой рефрен), метафорическом (образы «соли», «тайника словес», «Каабы», «золотых дверей») и эмоциональном (контрастный переход от просветлённой интонации к трагической после известия о смерти отца). Выводы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении автобиографической поэзии Махтумкули Фраги, а также в курсах истории тюркской литературы.

Ключевые слова: Махтумкули Фраги, «Прекрасный Ширгазы», поэтика прощания, мотив разлуки, Довлетмаммет Азади, медресе Ширгазы-хана, рефрен, филологический анализ.

**“FAREWELL BEAUTIFUL SHIRGAZI!”:
THE LINGUOPOETICS OF PARTING IN
MAKHTUMKULI FRAGI’S LYRICS**

Sabirov M.

The paper undertakes a comprehensive analysis of the poem by Makhtumkuli Fragi “Gözel Şirgazy” (Beautiful Shirgazy) in the aspect of the poetics of farewell and the motive of separation. The relevance of the research is dictated by the insufficient study of the autobiographical lyrics of the Turkmen poet in terms of its artistic structure. The scientific novelty of the work lies in the systematic consideration of the refrain as a compositional dominant that determines the emotional trajectory of the poem, as well as in identifying the dual nature of the motive of separation – spatial (separation from the Madrasah) and existential (loss of father). The methodological basis of the research combines historical, literary, biographical and linguae poetic approaches. The analysis revealed that the poetics of farewell in the “Gözel Şirgazy” poem are built on three interrelated levels: compositional (circular refrain), metaphorical (images of “salt”, “hiding place of words”, “Kaaba”, “golden doors”) and emotional (contrasting transition from enlightened intonation to tragic after the news of father’s death). The findings of the study can be used in further study of Makhtumkuli Fragi’s autobiographical poetry, as well as in courses on the history of Turkic literature.

Keywords: Makhtumkuli Fragi, “The Beautiful Shirgazy”, the poetics of farewell, the motive of separation, Dovletmammet Azadi, Shirgazy Khan Madrasah, refrain, philological analysis.

Творчество Махтумкули Фраги (1724-1807) занимает центральное место в истории туркменской литературы XVIII века. Махтумкули значительно изменил туркменский поэтический язык, приблизив его к народной речи. Он отказался от арабо-персидской метрики (аруз), принятой в туркменской литературе, заменив ее народной силлабической системой. «Поэтическое мастерство Махтумкули считается непревзойденным в туркменской поэзии. Он

оказал большое влияние на последующие поколения поэтов, хотя в его стихах большое место занимают и условно традиционные образы, характерные для восточной поэзии» [1, с. 700].

Произведения Махтумкули являются не только художественными, но и документальными источниками. Среди произведений, содержащих прямые автобиографические указания, особое место занимает стихотворение «Прекрасный Ширгазы» (Gözel Şirgazy), созданное по случаю окончания обучения в одноимённом хивинском медресе.

Личность отца Махтумкули – Довлетмаммета Азади – имеет принципиальное значение для понимания мировоззрения поэта. Азади, получивший образование в одном из лучших медресе Хивы, достиг высот в философии, поэтике, педагогике и риторике. Он был не только родителем, но и первым учителем и духовным наставником Махтумкули [5, с. 168-171].

Смерть отца в 1760 г. стала для Махтумкули не только личной трагедией, но и потерей главного духовного ориентира. Образовательный маршрут поэта включал несколько этапов: получив начальное образование в сельской школе под руководством отца, он продолжил обучение в медресе Идрис-Баба в Кизил-Аяке (1753 г.), затем в бухарском медресе Кокельташ (1754 г.). Завершающим этапом стало медресе Ширгазы-хана в Хиве, куда Махтумкули поступил в 1757 г. и где обучался три года [6, с. 12-14]. Это учебное заведение – один из крупнейших и наиболее авторитетных в Хиве. В посвятельном тексте Махтумкули оно названо «Маскан-и фазилан» – «Обитель для учёных», что подчёркивает высокий статус школы. Здесь обучались не только представители Хивинского ханства, но и выходцы из разных стран, и именно здесь Махтумкули завершил курс своего обучения [2].

Поэзия Махтумкули Фраги на русском языке известна в переводах многих мастеров – Арсения Тарковского, Георгия Шенгели, Марка Тарловского, Наума Гребнева, Сергея Иванова [4]. Для настоящего анализа мы обратились к переводу Льва Минаевича Пеньковского (1894-1971) – русского советского поэта и переводчика, много сделавшего для ознакомления русского

читателя с эпосом и классической поэзией народов Средней Азии [3, с. 337]. Именно в интерпретации Л.М. Пеньковского стихотворение «Gözel «Şirgazy!» (Прекрасный Ширгазы) предстаёт как глубоко продуманное художественное целое, в котором композиционным нервом становится рефрен [6, с. 57-58].

Именно к рефрену как к живому центру стягиваются все смысловые нити произведения. Каждый куплет обрывается одной и той же фразой: «Gider boldum, hoş gal, gözel «Şirgazy!» (Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы!). В старой восточной поэзии радиф привычно служил музыке стиха – он звенел, как колокольчик в конце строки, даря благозвучие и покой. Но здесь этот привычный приём вдруг берёт на себя иную тяжесть. Рефрен становится не украшением, а заклинанием, которое поэт твердит себе, чтобы поверить в расставание. Он не просто завершает строфу, а каждый раз совершает прощание заново. В первых строфах эта строка скользит легко, почти буднично: учение окончено... и всё. Но едва в стихотворение врывается весть о смерти отца, тот же самый, казалось бы, невинный стих, оборачивается другим лицом. Теперь в нём слышится не лёгкость, а горечь; не завершение, а невозвратность. Слова те же, но между ними словно пролегла трещина, в которую упала тень. И с каждым новым повторением эта тень становится всё длиннее, пока прощание не перестаёт быть ритуалом и не становится судьбой.

Первые строки стихотворения рисуют образ пребывания поэта в медресе:

*Mekan eýläp, üç ýyl iýdim duzuňy,
Gider boldum, hoş gal, gözel Şirgazy!
Ötürdim gyşyňy, nowruz-ýazyňy,
Gider boldum, hoş gal, gözel Şirgazy!* [7, s. 31-32].

* * *

*Под кровом жил твоим и соль твою вкушал
Три года я подряд, прекрасный Ширгазы!
Тут зимы коротал и весны тут встречал...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы!* [6, с. 57-58].

Фраза «*соль твою вкушал*» содержит отсылку к восточной культурной традиции, где «соль» символизирует гостеприимство, верность и принятие чужого крова как своего. Упоминание времён года («*зимы коротал и весны тут встречал*») подчёркивает длительность и полноту временного цикла, прожитого поэтом в медресе.

Характер полученных знаний раскрывается в следующих строках:

*Hakdan bize buýruk, baglydyr bilim,
Sende telim aldy, açyldy dilim* [7, s. 31-32].

* * *

*Нам знание дано как заповедь небес.
Ты просветил меня и ввел в тайник словес* [6, с. 57-58].

Образ *тайника словес* может быть интерпретирован как указание на постижение сокровенной сути языка, вероятно, суфийской герменевтики, различающей внешний (*захир*) и внутренний (*батин*) смыслы слова. Результатом просвещения становится способность различать добро и зло:

*Seljerer men indi agy-garany,
Dost, rakyp, gardaşym, haky, ýarany,
Okydym, göterdim kitap, Kurany,
Gider boldum, hoş gal, gözel Şirgazy!* [7, s. 31-32].

* * *

*Теперь я знаю, что черно и что бело,
Кто друг, кто недруг мой, что есть добро, что зло.
Коран и много книг других в мой мозг вошло.
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы!* [6, с. 57-58].

Глагол «*вошло*» свидетельствует о том, что знание не заучено формально, а органически интегрировалось в сознание поэта. Ключевой для понимания мотива разлуки является строфа, в которой Махтумкули прямо называет причину своей печали:

*Kämil bolup, serenjamlyk kylyp men,
Muşfygymdan, ol pederden galyp men,*

*Käbämden aýrylyp, jyda bolup men,
Gider boldum, hoş gal, gözel «Şirgazy!» [7, s. 31-32].*

* * *

*Тобой воспитанный, тобою просвещен,
Я собираюсь в путь, печалью удручен:
Отца я потерял, Каабы я лишен...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы! [6, с. 57-58].*

В данном фрагменте происходит совмещение двух типов разлуки. Разлука с местом учёбы оборачивается разлукой более высокого порядка – утратой отца. Однако этим трагедия не исчерпывается: герой остаётся и без матери, чей образ в тексте замещается понятием Каабы. Не случайно он восклицает: «*Отца я потерял, Каабы я лишён*», – этими словами фиксируется двойное сиротство, лишаящее героя не только родных, но и сакральной опоры в мире. В исламской традиции Кааба – священный храм в Мекке, центр мироздания, к которому обращены лица молящихся. Называя мать «Каабой», Махтумкули сакрализует образ родителя. Утрата же отца, наряду с этой потерей, усугубляет трагедию, лишая героя и мирской, и духовной опоры. Смерть Довлетмаммета Азади в 1760 г. послужила непосредственной причиной возвращения Махтумкули на родину.

Следующая строфа вводит географический маркер разлуки:

*Kutbda saý gözläp, kemana duşdum,
Neýsan guýdy, umman, gaýnadym-joşdum,
Hoş gal, bu gün Jeyhun bahrydan aşdym,
Gider boldum, hoş gal, gözel «Şirgazy!» [7, s. 31-32].*

* * *

*«Живительным дождём была мне мудрость книг,
Простор больших морей передо мной возник.
Я пересек Джейхун, а всё твердит язык:
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы! [6, с. 57-58].*

Пересечение Джейхуна (Амударьи) является реальным биографическим фактом, обозначающим путь из Хивы на родину. Показательно, что даже физическое пересечение реки не прекращает внутреннего диалога с медресе: «*a всё твердит язык*». Это свидетельствует о глубокой интериоризации образа места учёбы.

Заключительная строфа подводит итог духовной трансформации, пережитой поэтом:

*Magtymguly taşlap göwün hapasyn,
Sylady pirini, molla-sopusyn...
Daýym unutmaz men tylla gapysyn,
Gider boldum, hoş gal, gozel Şirgazy!* [7, s. 31-32].

* * *

*Махтумкули всю грязь отмыл с души своей.
Он так любил и чтил своих учителей,
Забудет ли он блеск тех золотых дверей?
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгазы!* [6, с. 57-58].

Слово «*грязь*» в суфийском контексте означает пороки, невежество, привязанность к мирскому. Медресе Ширгазы-хана предстаёт как место духовной очистки и преображения. Образ *золотых дверей* символизирует непреходящую ценность полученного знания. Таким образом, Махтумкули показывает, что даже человек, достигший духовного совершенства, познавший *тайник словес* и отмывший *всю грязь с души своей*, остаётся любящим сыном, для которого потеря отца – трагедия всей жизни.

Проведённый в данной работе анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для дальнейшего изучения творчества Махтумкули Фраги.

Поэтика прощания в стихотворении «*Gözel Şirgazy*» (Прекрасный Ширгазы) предстаёт как сложное, многоуровневое художественное явление, далеко не сводимое к простой фиксации факта расставания. Композиционным ядром этой поэтики выступает кольцевой рефрен – строка «*Прощай, науки дом,*

прекрасный Ширгазы!»», которая несёт в себе не только ритмообразующую, но и глубинную смыслообразующую нагрузку.

Многократное повторение прощальной формулы утверждает самый акт отпускания, настойчиво драматизирует его и облекает в черты сакрального ритуала. По мере развёртывания лирического сюжета эмоциональная природа рефрена претерпевает существенную трансформацию: начальная, почти бесстрастная констатация завершения учения сменяется надрывным, трагическим звучанием, когда в стихотворение врывается весть о смерти отца. Именно эта динамика позволяет рассматривать рефрен не как статичный повтор, но как живой, чутко реагирующий на движение поэтической мысли элемент, в котором запечатлена сама диалектика прощания – от лёгкого расставания к необратимой утрате.

Метафорический строй стихотворения формируется вокруг нескольких ключевых образов, каждый из которых служит проводником поэтики прощания, вплетая её в ткань философского размышления. Образ *соли* – «вкусить соль» как знак приобщения, становления своим, маркирует глубину и неразрывность связи поэта с местом учения, где знание переживается не умозрительно, а телесно, как опыт сопричастности. Образ *тайника словес* указывает на постижение сокровенной сути языка и знания, доступ к которому открывается лишь посвящённому. Особую смысловую нагрузку несёт строка «*Отца я потерял, Каабы я лишён*», применённая к родителям: она возводит родительскую фигуру в сакральный ранг, превращая утрату из факта личной биографии в событие онтологического масштаба – крушение духовной опоры, равное по значимости разрушению святыни. Наконец, образ *золотых дверей* символизирует непреходящую ценность образования, обретённого в стенах медресе, которое поэт уносит с собой как неотчуждаемое достояние, как свет, озаряющий путь в чуждом мире.

В своей совокупности эти метафоры образуют плотное семантическое поле, в котором прощание перестаёт быть разрывом и предстаёт как сложная трансформация связи: утрачивая место, поэт обретает знание; теряя отца, он

наследует его духовную вертикаль. Прощание здесь не конец, а переход, не смерть, а преображение связи, запечатлённое в самом дыхании стиха.

Мотив разлуки в стихотворении обнаруживает двойственную, бинарную природу, распадаясь на два качественно различных типа, каждый из которых наделён собственным онтологическим статусом.

Первый тип – разлука пространственная, который связан с расставанием с медресе Ширгазы-хана. При всей своей драматичности, эта разлука не носит абсолютного характера: поэт уносит с собой обретенное знание, нерасторжимую духовную связь, память о «золотых дверях», и даже после того, как пересечена водная граница Джейхуна, внутренний диалог с местом учения не прерывается, о чём красноречиво свидетельствует строка «*а всё твердит язык*». Пространственная дистанция здесь оказывается мнимой: знание, впитанное в стенах медресе, продолжает звучать в поэте, делая его самого живым продолжением покинутой обители.

Второй тип – разлука экзистенциальная, которая сопряжена со смертью отца. Эта разлука принципиально иная: она окончательна, необратима и невосполнима. Сакрализация образа через метафору *Каабы* переводит личную утрату в иную смысловую плоскость, она предстаёт не как частная драма, но как крушение духовного центра мироздания поэта, как разрушение той оси, вокруг которой вращался его внутренний мир. Именно это различие между разлукой, оставляющей надежду на продолжение связи, и разлукой, обрекающей на молчание, составляет драматическую сердцевину стихотворения и сообщает рефрену его трагическую глубину.

Эмоциональная динамика стихотворения зиждется на резком, почти драматургическом контрасте, который сообщает произведению внутреннюю напряжённость и трагическую глубину. Начальные строфы, посвящённые описанию трёх лет учения, постижению сокровенных смыслов, различению добра и зла, выдержаны в спокойных, почти просветлённых тонах. Поэт предстаёт здесь как «совершенный человек» – образ, восходящий к суфийской традиции, достигший духовной зрелости и внутренней целостности. Однако с

той мгновенной, сокрушительной силой, с какой в стихотворение врывается весть о смерти отца, тональность решительно и бесповоротно меняется. Тот же самый «совершенный человек» внезапно оборачивается осиротевшим сыном, «печалью удрученным», потерявшим свою *Каабу* – духовный центр, вокруг которого выстраивался его мир.

Этот контраст, однако, отнюдь не свидетельствует о художественной слабости или внутреннем противоречии образа. Напротив, в нём с наибольшей полнотой раскрывается глубина гуманизма Махтумкули. Подлинное совершенство, утверждает поэт, заключено не в бесстрастной отрешённости от мира, но в способности остро, до последней боли, переживать утрату и при этом оставаться носителем высшего знания, не утрачивая обрётённой духовной опоры. Именно это соединение мудрости и скорби, просветлённости и надрыва составляет суть поэтической антропологии Махтумкули, где человек предстаёт не как безучастный мудрец, но как живая, страдающая и одновременно преображающая страдание душа. В этом смысле контраст становится не разрывом, а высшим единством, в котором прощание обретает свою истинную меру.

Псевдоним Фраги (*разлучённый, тоскующий*) в контексте данного стихотворения обретает особую, судьбоносную значимость. Он перестаёт быть просто литературным обозначением, становясь точнейшим определением экзистенциального состояния поэта, формулой его бытия в мире. Махтумкули разлучён с отцом, ушедшим «до срока»; разлучён с местом учёбы, которое вынужден покинуть; разлучён с возлюбленной Менгли; разлучён с братьями, пропавшими без вести. Стихотворение «Прекрасный Ширгазы» фиксирует тот драматический момент, когда все эти линии разлуки – пространственные, временные, экзистенциальные сходятся в одной точке, порождая текст, в котором личная боль переплавляется в универсальное художественное высказывание о человеческой судьбе как таковой. Прощание с медресе становится здесь лишь видимой вершиной айсберга, под которой скрывается целая бездна утрат, составляющих жизненный опыт поэта.

Таким образом, стихотворение «Прекрасный Ширгазы» предстаёт перед нами не просто как поэтическое прощание с местом учёбы, но как сложное, многослойное философское высказывание о природе разлуки, о невозполнимости утраты и спасительной силе памяти, о нерасторжимой связи поколений и о том, как знание и скорбь сосуществуют в душе человека, достигшего духовной зрелости. Махтумкули утверждает, что подлинный гуманизм заключается не в отказе от человеческих чувств во имя отвлечённого совершенства, но в способности превратить личную боль – самую сокровенную и невыносимую – в поэзию, обращённую ко всем людям, к их общим радостям и скорбям. Именно в этом состоит непреходящая ценность его поэзии, в этом её законное место в ряду великих гуманистических традиций мировой литературы, где человеческое страдание обретает форму и смысл, а личная судьба становится достоянием всеобщей памяти.

Список литературы:

1. Каррыев Б.А. Махтумкули // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. Т. 4: Лакшин – Мураново / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1967. С. 700-701.
2. Медресе Ширгази-хана [Электронный ресурс] // Википедия [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/V2UVM> (дата обращения: 11.06.2026).
3. Пеньковский Лев Минаевич // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 19: Отоми – Пластырь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 337.
4. Первые переводчики Махтумкули [Электронный ресурс] // Туркменистан. Золотой век [сайт]. 29.09.2014. URL: <https://goo.su/n8naXy> (дата обращения: 11.06.2026).
5. Сабиров М.Х., Овезова А. Социокультурные основания патриотической лирики Махтумкули Фраги. Традиции гостеприимства как элемент национальной идентичности // Язык и слово: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 21 ноября 2025

года. Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. С. 168-174.

6. Стихотворения: перевод с туркменского / Вступ. ст. А. Зырина и М. Овезгельдыева; сост. и прим М. Овезгельдыева. Л.: Советский писатель, 1984. 384 с.

7. Magtymguly. Goşgular. Aşgabat: Turan neşirýaty, 1991. V, 56 s.

Сведение об авторе

Сабиров Мухаммедали – ассистент кафедры философии, социологии и педагогики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Data about the author:

Sabirov Mukhammedali – Assistant Professor of Philosophy, Sociology and Pedagogy Department, I.N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russia).

Email: mukam.tm.99@gmail.com.